

Мне очень хочется,
чтобы каждый
из вас однажды
нашел свою
родственную душу.
Удачи в поисках.

Ваша Тара Вульф

Подернутое дымной поволокой,
Знакомое мне чуждым станет вдруг.
И звезды в небе, где-то там, высоко,
Мечтательную душу призовут.

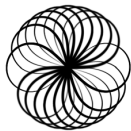
И окруженье новое мне странно,
И мир, сформировавшийся вокруг, мне нов.
Так, словно в мудреце тщеславном
Младенец прячется, свободный от оков.

Но озарит меня внезапная догадка,
Подобно свету от сияющей звезды —
След предыдущего рожденья:
Пространства никогда и не были пусты.

Душа склонится и воспрянет снова,
Вдыхая бесконечности миров,
И из обрывков нитей тонких
Сплетается наряд Богов.

Герман Гессе

Первоначальная душа

Иерархия Магии души

Люди

Их души берут свое происхождение от первоначальной души и проживают тысячу жизней, прежде чем возвратиться обратно.

Просветленные колдуньи

Живут и умирают, подобно людям, однако имеют способность по собственному желанию перемещаться во времени и пространстве. Несут ответственность за защиту первоначальной души.

Охотники за душами

Поглощают души людей, стремясь обрести бессмертие. Не могут путешествовать во времени.

Душелишенные

Люди, души которых были похищены. Чтобы выжить, им приходится красть души у других и становиться охотниками за душами.

Проклятые

Люди, причинившие вред Просветленной колдунье. Им не дарована полноценная жизнь: они могут проживать только определенные временные отрезки, в течение которых могут попытаться снять свое проклятие.

Странники

Наполовину — люди, наполовину — джинны, ангелы, демоны или вампиры. Странники бессмертны и проникают сквозь время как им угодно.

«Путешествия заканчиваются встречей влюбленных».

Уильям Шекспир (1564–1616)

Пролог

Шотландия, 2 августа 2011 года
Прошлое

Даже рев мотора не мог полностью заглушить плач мамы. Папины попытки утешить ее не увенчались успехом.

— Так будет лучше, — шептал он. — У твоей матери Саша будет в безопасности. Мы должны думать и о мальчиках, а она подвергает Адама и Эндрю опасности. Мы не сможем защитить Сашу так, как это ей необходимо.

— Но ведь еще слишком рано, — всхлипнула мама. — Ее дар пока нельзя выставлять напоказ. И девочка не может его контролировать.

— И именно поэтому мы поступаем правильно, — прервал ее отец. — Я хочу, чтобы моя дочь могла вести относительно нормальную жизнь, и если для этого мы должны с ней расстаться, то пусть так и будет. Нам следует в первую очередь думать не о себе, а о Саше.

Сидя на заднем сиденье машины, я вслушивалась в их знакомые голоса и пыталась вылепить из сияния души, что струилось из моих пальцев, сверкающий шар. Удовлетворившись размерами и прочностью сферы, я сделала так, что она засияла всеми цветами

радуги. А потом слегка подбросила шар в воздух. Он ударился о потолок машины и рассыпался на множество сверкающих стрекоз, которые разлетелись по всему салону автомобиля.

Мама повернулась ко мне. Ее глаза расширились от ужаса.

— Прекрати, дорогая! Тебе нельзя этого делать! Сколько раз мне повторять?

Мне было всего десять лет, но тот ее голос я точно помню до сих пор. В нем сквозила паника, которую мама изо всех сил пыталась подавить, и я скорчила гримасу, потому что не могла понять, в чем причина ее волнения. Она постоянно призывала меня скрывать мой дар. При этом никто из моих друзей не мог похвастаться, что умеет делать что-то настолько классное! И все же я заставила шар в моих руках обратиться в пыль.

— Все, порядок, — буркнула я. — Мне скучно. Я хочу домой. Что я буду делать с бабушкой и дедушкой на этом необитаемом острове? Без вас!

Я злилась на них обоих и всеми силами стремилась это показать. Родители должны об этом знать!

Глаза мамы снова наполнились слезами. Она протянула руку, чтобы погладить меня по колену, как вдруг в нашу машину врезался другой автомобиль. Нас прижало к перилам моста, и они, не выдержав, рухнули. Вместе с нашей машиной, которая, слетев вниз, с размаху вонзилась в водную гладь. Я кричала, звала своих родителей, но ответа не было. Вода проникала в салон сквозь разбитую дверь с моей стороны, а автомобиль все еще раскачивался на волнах, медленно погружаясь в глубину. Пытаясь разбить стекло, я изо всех сил колотила по нему кулаками. Напрасно.

И тут я увидела их. Серые призраки, похожие на огромных летучих мышей, парили вокруг машины.

Один из них прижался лицом к окну. Я заглянула в черные бесчувственные глаза. Кожа, не толще папиросной бумаги, натянулась на безволосом черепе, а на месте рта и носа зияли черные дыры. Гнилостный запах пополз сквозь щели. Заостренные ногти царапали стекло. Я застыла, не в силах пошевелиться или закричать. Даже тогда, когда существо с визгом улетело, и вода сначала дошла до моей талии, а потом и до груди. От страха меня словно парализовало.

Там, снаружи, меня поджидали охотники за душами. Они нашли меня. Должно быть, их привлекло сияние моей души. Они меня учуяли.

Бабуля часто предупреждала меня о них. Если им удастся меня поймать, они расколуют мою душу и разделят ее между собой. Потому что это и было тем, чем занимались охотники за душами, именно это ими двигало: эти существа похищали души других людей, чтобы выжить.

Меня затрясло. Вода уже доходила мне до самого подбородка. В панике я лихорадочно нащупывала ремень безопасности, стремясь освободиться. И тут стекло в моей двери лопнуло. Вода хлынула сплошным потоком, но я разглядела руки, потянувшиеся ко мне. И папино лицо. Я заглянула в его широко распахнутые глаза и задержала дыхание, когда машина полностью ушла под воду. Папа вытащил меня через разбитое окно. Все будет хорошо. Острые края разбитого стекла рассекли мое лицо. От внезапной боли я вскрикнула, захлебываясь водой. Папа подтолкнул меня вверх, и я вырвалась на поверхность, хватая ртом воздух. Течение реки несло меня вниз. Я отчаянно била ногами по воде и что-то кричала ему. Каким-то образом мне удалось ухватиться за низко висящую ветку. Но сил, чтобы подтянуться, у меня уже не было.

Мокрые пальцы скользнули по коре, и я громко рыдалась. Если я отпущу эту ветку, то умру.

Сильная рука схватила меня и потащила к берегу. Я упала в мягкую траву, отплевываясь от воды.

— Мой папочка, — простонала я. — Он все еще где-то там. И моя мама — тоже. — Я дрожала всем телом, плакала, захлебываясь слезами. — Пожалуйста. Мы должны их спасти, — все же удалось выговорить мне.

— О твоих родителях я позабочусь чуть позже, малышка.

Я подняла голову и заглянула в глубокую бездну черных безжизненных глаз. У мужчины были впалые щеки и тонкие редкие волосы.

— Нет, — беззвучно прошептала я. — Нет.

Это просто невозможно. Такого не могло быть. Только не он.

— Ты ведь знаешь, кто я, не так ли? — Его вкрадчивый голос словно манил меня.

Конечно, я знала. Передо мной стоял Лазарь Риммон, самый главный и самый могущественный охотник за душами. Бабуля рассказывала, что он прятался в старинном замке где-то во Франции, заставляя своих доверенных лиц доставлять ему туда похищенные души. Но, видимо, он покинул замок, раз теперь находился здесь, передо мной.

Моя нижняя губа начала дрожать, и холод, пуще того, что исходил от мокрых вещей, прилипших к телу, сковал все мое существо, превратив кровь в лед.

Мужчина глубоко втянул в себя воздух, и я знала, что он может ощущать запах моего страха.

— Все произойдет очень быстро, — прошептал он. — Тебе не будет больно, обещаю. Ты ничего не почувствуешь.

Его рот растянулся в улыбке. Он не выглядел таким же призрачным, как другие охотники. Лазарь Риммон был намного человечнее. Его сущность выдавали только пустые черные глаза, в которых не было жизни.

— Я так долго ждал тебя.

Голос охотника звучал почти изумленно.

Дрожа, я отступила назад. Я не могла отдать ему свою душу. Если охотник получит ее, то сможет жить еще сто лет или даже больше. Да, я была еще молода, но энергия моей души многократно превышала энергию души простого смертного. Должно быть, она являла для главного охотника бесконечное очарование.

Позади меня раздался какой-то шум. Если сейчас здесь появятся другие охотники, то мои шансы выжить станут равны нулю. Но это был мой папа. Он вылез из воды и сейчас направлялся к нам. В его взгляде отражались гнев, отвращение и ненависть. Он спасет меня. Внезапно мои ноги подкосились, и я упала на колени.

Папа подхватил меня и заставил снова принять вертикальное положение.

— Беги, солнышко! — произнес он каким-то совершенно чужим голосом. Никогда раньше я не слышала, чтобы папа так говорил. — Беги так далеко, как только сможешь.

Что-то яркое сверкнуло в руке отца, когда он повернулся к Лазарю, губы которого искривились в надменной улыбке.

— Значит, сегодня я заберу две души, — снисходительно заявил охотник. — Одну — у колдуньи, другую — у защитника.

Я вскочила и рванулась прочь, когда папа напал на него.